

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ Орган правления Союза Советских писателей СССР ГАЗЕТА

№ 1 (2384)

С-162754

Суббота, 3 января 1948 г.

Цена 40 коп.

Апологеты реакционных идей Достоевского

Советские текстологи проделали большую работу по изданию сочинений Ф. М. Достоевского. Именно в наше время появилось лучшее в текстологическом отношении собрание художественных произведений писателя, напечатаны его письма, записные книжки и т. п. Но от изданий сочинений Достоевского, в особенности массовых, мы вправе требовать не только высокого уровня текстологической работы, но и критического освещения наследия великого писателя, правильного, научного истолкования его творчества. К сожалению, последние издания произведений Достоевского совершенно не отвечают этому требованию.

Перед нами вышедший в конце 1947 года в Гослитиздате однотомник сочинений Достоевского. Предисловия в этой книге нет, в ней имеются лишь краткие примечания Б. В. Томашевского. Написаны эти примечания в духе того претенциозного и, к счастью, уже отживающего академического объективизма, при котором автор не только боится современности, но даже по отношению к идейной борьбе прошлого остерегается высказать свою точку зрения.

Так, например, рассказывая о спорах в печати 60-х годов вокруг образа Раскольникова, Б. В. Томашевский ухитряется их изложить таким образом, что никто не в состоянии понять — прав ли был в этой полемике Писарев, решительно и с полным основанием отрицавший связь «философии» Раскольникова с передовыми идейными течениями эпохи, или Страхов, объявлявший Раскольникова типичным представителем революционной интеллигенции. Точка зрения самого комментатора при этом совершенно не известна.

Мало того, Б. В. Томашевский даже боится определить место участников этой полемики в идейной жизни эпохи. По его словам «...против Писарева выступили критики другого лагеря (какого же? — Н. Б.), доказывавшие близость Раскольникова и Базарова (например, Н. Страхов)». А несколько раньше Б. В. Томашевский указывает, что «в Раскольникове увидели (кто же именно? — Н. Б.) крайнее, доведенное до предела, проявление «нигилистических» идей». Томашевский не выступает против реакционной клеветы на революционеро-демократов 60-х годов, допуская, повидимому, то, что Раскольников мог быть типичным для революционных разночинцев. Говоря о требованиях переработки романа, которые Катков предъявил Достоевскому, комментатор ухитрился обойти идейную сущность этого давления, оказанного на Достоевского вождем монархической реакции. Мотивом требований Каткова было, по словам Томашевского, «нарушение правил нравственности» и «следы нигилизма».

Наглый и лживый растягатель нравов русской печати в роли благодетеля нравственности — открытие поистине удивительное!

Комментируя «Мужика Марая», Б. В. Томашевский сообщает читателю, что здесь «поставлен вопрос о значении изродных идеалов для русской культуры», повидимому, всерьез полагая, что «народные идеалы» смирения и покорности, которые пропагандирует Достоевский, действительно выражали стремления народных масс России.

Удивительно при этом, что, не удосужившись заняться идейным анализом романа, Томашевский нашел место для того, чтобы подробно процитировать вовсе не существенный отзыв одного второстепенного французского писателя и сослаться на один французский роман, вышедший в 1932 году и связанный с произведением Достоевского только заглавием.

Еще более грубую ошибку, чем Гослитиздат, допустил Детгиз, напечатав в «Библиотеке школьника» отрывки из «Братьев Карамазовых» под названием «Мальчики».

Порочна уже самая попытка дать юному читателю фрагменты из этого романа. Разговоры мальчиков совершенно непонятны, если читатель не имеет представления об основных идейных и сюжетных коллизиях романа и его центральных образах.

Разумеется, что сущность романа явно недоступна читателям Детгиза. Тем не менее, А. Слонимский в предисловии пытается сообщить школьнику недостающие ему сведения о романе и об Алеше Карамазове.

А. Слонимский озабочен только одним, как бы представить Алешу Карамазова в роли образца и примера для советского школьника. Он пишет:

«Образ Алеши — один из самых светлых образов, созданных Достоевским. В нем Достоевский выразил свои заветные убеждения — веру в победу правды в человеческих отношениях».

Алеша является сначала в одежде послушника, то есть будущего монаха, так как собирается поступить в монастырь. Но затем от этого своего намерения он отказывается.

Смысл истории Илюши раскрывается в речи Алеши у камня. «Как хороша жизнь, когда что-нибудь сделаешь хорошее и правдивое!» — так высказывается устами Алеши основная идея эпизода, а вместе с тем и всего романа в целом».

Бедные советские школьники! Прочитав эти строки, они, вероятно, представят себе Алешу Карамазова в образе передового человека, отказавшегося от своих религиозных убеждений, а Достоевского — как проповедника оптимистического и жизнеутверждающего мировоззрения, зовущего к общественной активности...

Издание Детгиза следует признать идейно вредным.

Ф. М. Достоевский. Избранные сочинения. Редакция текста и примечания Б. В. Томашевского. Гослитиздат. 1947.

Ф. М. Достоевский. «Мальчики» (из романа «Братья Карамазовы»). Редакция текста и предисловие А. Слонимского. Библиотека школьника. Детгиз. 1947.